

- [Анатоль Франс](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Анатоль Франс

Красное яйцо

Посвящается Самюэлю Поцци[2]

Доктор N. поставил чашку на камин, бросил сигару в огонь и сказал:

— Друг мой, я помню, вы говорили о странном случае самоубийства одной женщины^[1], доведенной до этого страхом и угрызениями совести. Это была образованная, с утонченными чувствами женщина. Ее заподозрили в том, что она была соучастницей в преступлении, тогда как она оказалась лишь его немой свидетельницей; и, доведенная до отчаяния мыслью о том, что всему виной ее непоправимое малодушие, преследуемая кошмарами, в которых видела своего убитого и уже тронутого тлением мужа, указывающего на нее пальцем любопытным судьям, она стала безвольной жертвой своего больного воображения. И вот одно случайное и совсем незначительное обстоятельство решило ее судьбу. С ней жил ее племянник, школьник. Как-то утром он, как обычно, готовил в столовой уроки. Там же находилась и она. Мальчик переводил слово за словом стихи Софокла. Он произносил вслух по мере того, как писал греческие и французские слова: божественная голова Иокасты мертва... вырывая волосы она призывает мертвого Лайя... мы увидели женщину, которая повесилась. Поставив точку, да так, что прорвалась бумага, мальчуган высунул измазанный чернилами язык и запел: «Повесилась! Повесилась! Повесилась!» Несчастливая женщина, воля которой была подавлена, послушно подчинилась внушению трижды повторенного слова. Она поднялась и молча, ни на кого не глядя, пошла к себе в спальню. Несколько часов спустя полицейский комиссар, вызванный, чтобы констатировать насильственную смерть, глубокомысленно заметил: «Немало привелось мне видеть женщин-самоубийц, но удавленницу вижу впервые».

Много толкуют о внушении. Рассказанный случай — как раз пример естественного и вполне правдоподобного внушения. Что там ни говори, я не очень-то доверяю внушениям, применяемым в лечебных целях. Однако признаю несколько не противоречащим разуму и не раз подтвержденным жизнью то, что человек, в котором убита воля, легко поддается малейшему воздействию извне. Приведенный вами случай напомнил мне о другом, аналогичном ему. Я имею в виду моего несчастного друга детства

Александра Леманселя. Вашу героиню погубила строфа Софокла; моего товарища, о котором я вам сейчас расскажу, доконала фраза Лампридия.

Лемансель, с которым я учился в авраншском лицее, не был похож на своих сверстников. Он казался моложе и вместе с тем старше своих лет. Маленький и тщедушный, он в пятнадцать лет боялся того, чего обычно страшатся маленькие дети. Он не мог побороть страха перед темнотой. Разражался слезами при виде одного из служителей лицея, у которого на макушке была большая шишка. Но порой, если приглядеться к нему как следует, он казался почти стариком. Сухая, словно присохшая к вискам кожа худосочного человека и жиденькие волосы; лоснящийся, как у пожилых людей, лоб. И какой-то невидящий взгляд. Посторонние не раз принимали его за слепого. Только рот оживлял все лицо. Он был очень подвижен и выражал то детскую радость, то тайное страдание. Звук его голоса был чист и приятен. И когда, отвечая урок, он декламировал стихи, он читал их нараспев и отчеканивал ритм, чем очень смешил нас. Во время перемен Александр охотно принимал участие в наших играх; он был довольно ловок, но вносил в игры какой-то лихорадочный пыл; все его движения напоминали лунатика, и это возбуждало во многих его товарищах непреодолимую антипатию. Его не любили. И он стал бы нашим козлом отпущения, если бы мы не испытывали уважения к его гордой нелюдимости и славе сильного ученика. Несмотря на неровность в занятиях, Александр часто оказывался во главе всего класса. Уверяли, что он разговаривает по ночам и даже бродит во сне. Однако собственными глазами никто этого не видел: все мы были в том возрасте, когда сон особенно крепок.

Долгое время Александр вызывал во мне скорее удивление, нежели симпатию. Подружились же мы совсем неожиданно во время экскурсии нашего класса в аббатство Мон-Сен-Мишель^[2]. Мы шагали босиком по берегу моря, перекинув через плечо палку, на которой висели башмаки и узелки с хлебом, и распевали во всю глотку. Мы прошли потайным ходом и, бросив свои пожитки возле пушек, уселись рядом на одну из этих старинных железных бомбард, уже пять веков ржавеющих под дождями и солеными брызгами прибоя. И тогда, переведя свой блуждающий взгляд с древних камней на небо и болтая босыми ногами, Лемансель сказал:

— Ах! Если бы я жил во времена этих войн и был рыцарем! Я захватил бы две пушки... двадцать пушек... сто пушек... все пушки захватил бы у англичан! Я сражался бы один у потайного хода. А над моей головой парил бы архистратиг Михаил в виде белого облака.

Слова эти и певучий тон, которым они были произнесены, глубоко

меня потрясли. Я сказал: «...А я был бы твоим оруженосцем. Ты мне очень нравишься, Лемансель! Хочешь со мной дружить?» Я протянул ему руку, и он торжественно ее пожал.

Тут учитель велел нам обуться, и наш маленький отряд стал взбираться по узенькой и крутой тропинке, ведущей в аббатство. На полдороге, возле ползучей смоковницы, мы увидели домик, в котором под вечной угрозой моря жила Тифания Рагенель, вдова Бертрана дю Геклена^[3]. Жилище это такое тесное, что просто диву даешься, как мог там поместиться человек. Должно быть, старушка Тифания была совсем крохотной старушкой, пожалуй даже святой, довольствовавшейся одной духовною пищей.

Лемансель широко открыл объятия, словно желая заключить в них эту ангельскую обитель, потом, опустившись на колени, стал целовать камни, не обращая внимания на хохот товарищей, которые, расшалившись, принялись швырять в него камешками. Не буду рассказывать о нашем осмотре карцеров монастыря, его зал, часовни. Лемансель, казалось, не видел ничего вокруг. Да и вообще я привел этот эпизод лишь для того, чтобы показать, как завязалась наша дружба.

На следующую ночь в дортуаре меня разбудил чей-то шепот: «Тифания не умерла». Протерев глаза, я увидел возле себя Леманселя в одной ночной сорочке; я попросил оставить меня в покое и опять уснул, забыв и думать о его странных словах.

Начиная с того дня передо мной все больше и больше раскрывался характер товарища, и совершенно неожиданно я обнаружил в нем непомерную гордость. Вас не удивит, конечно, если я скажу, что в пятнадцать лет я был неважным психологом. Да к тому же и гордость Леманселя была слишком неуловима и не бросалась в глаза с первого взгляда. Она никогда не принимала осязаемой формы, ограничиваясь областью мечтаний. Но вместе с тем ею были насквозь проникнуты все чувства моего друга, она как бы придавала единство его причудливым и непоследовательным мыслям.

Вскоре после экскурсии в Мон-Сен-Мишель во время каникул Лемансель пригласил меня провести денек в Сен-Жюльене, где у его родителей была небольшая усадьба. Мать отпустила меня неохотно: Сен-Жюльен находится в шести километрах от города. Но как бы то ни было, в одно из воскресений я с раннего утра нарядился в белый жилет и голубой галстук и отправился к своему приятелю.

Александр встретил меня на пороге дома, улыбаясь детски ясной улыбкой. Он взял меня за руку и ввел в «залу». Дом, полугородской,

полудеревенский, был не беден и прилично обставлен. Но, когда я вошел, у меня болезненно сжалось сердце — такая царила в нем тишина и грусть. У окна, занавеска на котором была слегка приподнята, будто из него только что выглядывал кто-то с робким любопытством, стояла женщина, с первого взгляда показавшаяся мне старухой. Однако я не поручился бы, что она действительно была такой старой, как мне тогда показалось. Она была очень худа и желта; глаза ее в глубоких черных орбитах лихорадочно блестели из-под красных век. И хотя стояло лето, она буквально утопала в темной шерстяной одежде. Особенно поражал в ее внешности тонкий металлический обруч, словно диадема охватывавший ее лоб.

— Это мама, — сказал Лемансель. — У нее мигрень.

Госпожа Лемансель поздоровалась со мной жалобным голосом и, должно быть, заметив, как удивленно я смотрел ей на лоб, сказала с улыбкой:

— Не подумайте, молодой человек, что это корона; это просто магнитный обруч от головной боли.

Но, пока я подыскивал ответ полубезней, Александр позвал меня в сад. Там мы увидели лысого человечка, который бесшумно шмыгал по дорожкам. Глядя на него, казалось, что его вот-вот сдует ветром, так он был хрупок и тощ. Боязливые повадки, длинная жилистая шея, которую он то и дело вытягивал вперед, маленькая, с кулачок, головка, манера глядеть как-то вбок, походка вприпрыжку, коротенькие ручки, согнутые в локтях и оттопыренные, словно крылья, — все это придавало ему удивительное, можно сказать какое-то непостижимое сходство с оципантым цыпленком...

Мой друг объяснил мне, что это его папа и что не надо его задерживать; пусть идет на птичий двор, где он проводит почти все время в обществе кур, так что даже отвык разговаривать с людьми. Пока Александр говорил, отец его исчез, и вскоре воздух огласился радостным кудахтаньем: господин Лемансель был на птичьем дворе.

Походив со мной по саду, мой друг предупредил меня, что сейчас за обедом я увижу его бабушку, добавив, что она очень добрая старушка, не надо только обращать внимания на ее слова, потому что временами она заговаривается. Потом он повел меня в хорошенькую беседку и, покраснев, прошептал на ухо:

— Я сочинил стихи о Тифании Рагенель. Я прочту их тебе в другой раз! Непременно прочту!

В это время позвонили к обеду. Мы вернулись в залу. Вслед за нами пришел и г-н Лемансель-отец с полной корзинкой яиц.

— Восемнадцать штук за утро, — прокудахтал он.

Подали очень вкусный омлет. Я сидел между госпожой Лемансель в железном венце, которая то и дело вздыхала, и ее матью, толстощекой нормандкой, у которой не было больше зубов и потому она улыбалась глазами. Она показалась мне очень симпатичной. Пока ели жареную утку и курицу под белым соусом, милая старушка развлекала нас занятными рассказами, и я ни разу не заметил, чтобы она заговаривалась. Напротив, она казалась душой всего дома.

После обеда мы перешли в маленькую гостиную, которая была обставлена ореховой мебелью, обитой желтым плюшем. На камине между двумя подсвечниками красовались фигурные часы. На их черной подставке под стеклянным колпаком, покрывавшем часы, лежало красное яйцо. Сам не знаю почему, но я принялся его внимательно разглядывать. Детям свойственно такое беспричинное любопытство. Правда, надо сказать, яйцо было великолепного и совершенно необычного цвета, оно ничуть не походило на окрашенные свекольным соком, буроватые пасхальные яйца, которыми так восхищаются ребяташки перед витринами зеленщиков. Это яйцо было пурпурное, как императорская порфира. С присущей моему возрасту нескромностью я не сдержал удивления.

Господин Лемансель-отец ответил чем-то вроде петушиного кукареканья, что свидетельствовало о его восторге.

— Вы, кажется, думаете, молодой человек, что это яйцо окрашено, — сказал он. — Вовсе нет. Его снесла таким, как вы его видите, моя цейлонская курица. Это чудесное яйцо.

— И не забудь добавить, мой друг, что она снесла его как раз в день рождения нашего Александра, — тоном страдальницы заметила г-жа Лемансель.

— Верно! — согласился г-н Лемансель.

Бабушка же лукаво поглядела на меня и, поджав губы, недоверчиво покачала головой.

— Гм! Куры-то часто сидят не на своих яйцах, особенно если проказник-сосед подсунет в гнездо... — пробормотала она.

Внук резко перебил ее.

— Не слушай! Не слушай! — крикнул он. — Я же тебе говорил!..

Он побледнел, от волнения у него дрожали руки.

— Верно, — повторил г-н Лемансель и покосился круглым глазом на пурпурное яйцо.

Дальнейшая наша дружба с Александром Леманселем не представляет ничего интересного. Он часто говорил о своих стихах, посвященных

Тифании, но так и не показал их мне. К тому же мы вскоре расстались и я потерял его из виду. Мать отправила меня заканчивать образование в Париж. Я сдал там два экзамена на степень бакалавра и поступил на медицинский факультет. И вот, когда я работал над докторской диссертацией, мать написала мне, что Александр перенес тяжелую болезнь и в результате острого кризиса стал необычайно мнителен и пуглив, но, впрочем, безобиден, и что душевное расстройство и плохое здоровье не мешают ему проявлять исключительные способности к математике. Меня это ничуть не удивило. Сколько уж раз, изучая болезни центральной нервной системы, я вспоминал о своем сен-жюльенском друге и невольно предсказывал общий паралич этому несчастному отпрыску вечно страдающей мигренью матери и отца-микроцефала.

Первое время казалось, что я ошибся. Как мне сообщили из Авранша, Александр Лемансель, достигнув зрелого возраста, выздоровел и проявил блестящие способности. Он значительно преуспел в занятиях математикой, даже послал в Академию наук свое решение нескольких нерешенных уравнений, которое было признано вполне верным и не менее изящным. Работа поглощала все его время, и он писал мне очень редко. Письма его были сердечны, ясны, разумны; даже самый придирчивый невропатолог не нашел бы в них ничего подозрительного. Вскоре, однако, переписка наша оборвалась, и я целых десять лет ничего о нем не слышал.

Вообразите же мое удивление, когда в прошлом году лакей доложил мне, что меня желает видеть какой-то господин, и подал визитную карточку Александра Леманселя. Извинившись перед коллегой, с которым мы обсуждали в это время важный профессиональный вопрос, я оставил его на минуту одного в кабинете и выбежал поздороваться со своим школьным товарищем. Александр сильно состарился, облысел, побледнел, исхудал. Я взял его под руку и провел в гостиную.

— Очень рад тебя видеть, — сказал он. — Мне о многом надо поговорить с тобой. Меня жестоко преследуют. Но ничего, я не из робких, я буду бороться и одолею моих врагов!

Его слова сильно меня встревожили, как встревожили бы любого невропатолога, будь он на моем месте.

Я увидел в них симптом душевного недуга, угрожавшего моему товарищу в силу рокового закона наследственности; развитие болезни, по-видимому, только временно приостановилось.

— Да, да! Мы непременно обо всем поговорим, — ответил я. — Подожди здесь минутку. Вот покончу только с одним делом и вернусь. А чтобы не скучать, возьми какую-нибудь книгу.

Как вы знаете, у меня множество книг и в гостиной. В трех шкафах красного дерева стоит до шести тысяч томов. Почему же, спрашивается, мой несчастный друг взял именно ту книгу и раскрыл ее именно на той злосчастной странице, которая окончательно погубила его? Минут двадцать спустя я распростился с коллегой и вышел в приемную, где оставил Лемансея. Он был в ужасном состоянии. Он ударил ладонью по лежащей перед ним раскрытой книге, в которой я узнал перевод «Жизнеописания императора Августа», и громко прочитал следующую фразу Лампридия:

«В день рождения Александра Севера курица, принадлежащая его отцу, снесла красное яйцо, предзнаменование императорской порфиры, которая суждена новорожденному».

Возбуждение Александра граничило с безумием. Он был вне себя. Он громко выкрикивал:

— Яйцо! Яйцо, снесенное в день моего рождения! Я император. Я знаю, ты хочешь меня убить! Не приближайся ко мне, злодей! — Он метался по комнате. Потом, остановившись вдруг передо мной и широко раскрыв объятия, воскликнул: — Друг мой! Мой старый товарищ! Проси у меня всего, чего хочешь!.. Ведь я император!.. Император... Прав был отец... Пурпурное яйцо... Так и есть... Император... Злодей! Как ты смел утаить от меня эту книгу? Я жестоко покараю тебя за государственную измену... Я император... Император! Да, я должен стать императором... Это мой долг! Да, долг...

Он ушел. Напрасно я старался удержать его. Он вырвался и убежал. Остальное вам известно. Во всех газетах рассказывалось, как, выйдя от меня, он купил револьвер и застрелил часового, который преградил ему доступ в Елисейский дворец.

Так фраза, написанная латинским историком четвертого века, послужила пятнадцать веков спустя причиной смерти ни в чем не повинного французского солдата. Попробуйте-ка распутать сложный клубок причин и следствий! Попробуйте, совершая какой-нибудь поступок, с уверенностью сказать: «Я знаю, что я делаю». Вот и все, мой друг, что я хотел вам рассказать. Конец этой истории представляет интерес разве лишь для медицинской статистики и может быть передан в нескольких словах: Александра Лемансея поместили в психиатрическую больницу, где он в течение полумесяца буйствовал, а затем впал в идиотизм, сопровождавшийся страшной прожорливостью: он поедал даже воск для натирки полов. Три месяца тому назад он задохся, подавившись губкой.

Доктор умолк и закурил папиросу.

— Вы рассказали нам страшную историю, доктор! — сказал я, немного помолчав.

— Да, история страшная, но зато подлинная, — ответил он. — Я бы не отказался от рюмки коньяку.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

notes

Примечания

1

Вы говорили о странном случае самоубийства одной женщины... —
Здесь приводится сюжет повести А. Франса «Иокаста», основная ситуация которого повторяется в «Красном яйце».

...во время экскурсии нашего класса в аббатство Мон-Сен-Мишель. — Старинное аббатство Мон-Сен-Мишель, с которым связано множество легенд, расположено на высокой прибрежной скале и во время морского прилива превращалось в неприступную крепость. В средние века, особенно в период Столетней войны с Англией (XIV — XV вв.), Мон-Сен-Мишель выдержал многочисленные воинские атаки с суши и с моря. Впоследствии аббатство было превращено в политическую тюрьму.

...домик, в котором... жила Тифания Рагенель, вдова Бертрана дю Геклена. — Бертран дю Геклен (XIV в.) — коннетабль, то есть командующий королевскими войсками Франции, легендарный воин и храбрец, прославленный в народе подвигами в борьбе против англичан. По преданию, молодая девушка Тифания Рагенель пленила его своими познаниями в астрологии и, став его женой, предсказывала своему супругу военные победы и поражения.